

УДК 327(529)

**АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИМИДЖА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
«ДЕЛОВОЙ ПАРТНЕР» ИЛИ ОРГАНИЗАТОР «ДОЛГОВЫХ ЛОВУШЕК»**

И.Н. Сабов

В статье обосновывается тезис о том, что в Центральной Азии представления о Китае имеют двойственный характер, обусловленный двумя факторами. С одной стороны, существуют расхождения между конструируемым Пекином образом «экономического гиганта», который оказывает помощь центральноазиатским республикам в рамках концепции «мирного подъема», декларирующей использование растущего экономического потенциала Китая для «всеобщего развития», и реальными условиями предоставления этой помощи, включающими реинвестирование в китайские компании, которые имеют преференциальное право на реализацию инициируемых инвестиционных проектов, а также предоставление доступа к месторождениям полезных ископаемых стран-реципиентов кредитов. С другой стороны, во внутривнутриполитической конъюнктуре государств региона отмечаются расхождения в оценках Китая политическим истеблишментом как «делового партнера» и населением – как организатора «долговых ловушек».

Ключевые слова: Китай; Центральная Азия; инвестиции; кредиты; имиджевое позиционирование; «долговые ловушки»; «мирный подъем».

**КЫТАЙДЫН БОРБОРДУК АЗИЯДАГЫ САЯСИЙ БЕДЕЛИНИН АМБИВАЛЕНТТҮҮЛҮГҮ:
«ИШКЕР ӨНӨКТӨШ» ЖЕ «КАРЫЗ ТУЗАГЫН» УЮШТУРУУЧУ**

И.Н. Сабов

Макалада Борбордук Азияда Кытай тууралуу эки фактор менен шартталган, эки түрдүү мүнөздөгү түшүнүк калыптангандыгы тууралуу айтылат. Бир жагынан Пекинди «жалпы өнүгүү» үчүн Кытайдын өнүгүп жаткан экономикалык потенциалын пайдаланууну декларациялоочу, «тынчтык жолу менен көтөрүү» концепциясынын алкагында Борбордук Азия республикаларына жардам көрсөтүүчү «экономикалык гигант» образында сүрөттөө менен, демилгеленүүчү инвестициялык долбоорлорду жүзөгө ашырууга преференциалдык укукка, ошондой эле насыяларды колдонуучу өлкөлөрдүн кен байлыктарына жеткиликтүүлүккө ээ болгон кытай компанияларына реинвестирлөөнү өзүнө камтыган ушул жардамды көрсөтүүнүн реалдуу шарттарынын ортосундагы ажырымдар бар. Экинчи тараптан, аймактагы мамлекеттердин ички саясий конъюктурасында Кытай мамлекетин «ишкер өнөктөш» катары жана калк тарабынан «карыз тузагын» уюштуруучу катары баалоодо ажырымдар белгиленет.

Түйүндүү сөздөр: Кытай; Борбордук Азия; инвестициялар; насыялар; саясий беделинин позициясын белгилөө; «карыз тузагы»; «дүйнөлүк өнүгүү».

**AMBIVALENCE OF CHINA'S IMAGE IN CENTRAL ASIA:
«BUSINESS PARTNER» OR ORGANIZER OF «DEBT TRAPS»**

I.N. Sabov

The article argues that narratives about China are of a dual nature in Central Asia due to two factors. On the one hand, there are discrepancies between the image of an “economic giant” constructed by Beijing, which provides assistance to the Central Asian republics within the framework of “peaceful rise” concept declaring the use of China’s growing economic potential for “common prosperity”, and real conditions for providing this assistance, including reinvestment in Chinese companies that have a preferential right to implement initiated investment projects, as well as provide access to mineral deposits in recipient countries. On the other hand, in the internal political situation of the states of the region, there are discrepancies in the assessments of China by the political establishment as a “business partner” and by the population as the organizer of “debt traps”.

Keywords: China; Central Asia; investments; credits; image positioning; “debt traps”; “peaceful rise”.

Завершение холодной войны детерминировало необходимость для Пекина трансформировать свой внешнеполитический курс. В основу нового курса был положен принцип обеспечения «безопасности, процветания и силы» государства, который лег в основу концепции «мирного подъема», нацеленного на гармоничное встраивание в существующий мировой порядок для получения выгод от современной международной экономической системы [1, р. 120]. Как отмечал автор термина «мирный подъем» Чжен Бицзянь, бывший вице-президент Центральной партийной школы Пекина и советник Коммунистической партии Китая, суть стратегии Пекина состоит в том, чтобы продолжать строить социализм с китайскими особенностями, участвуя при этом в процессах экономической глобализации [2, р. 20–21]. В последующем экс-председатель КНР Китая Ху Цзиньтао заявлял, что цель Китая состоит в том, чтобы поддерживать «гармоничный мир» и способствовать «всеобщему развитию» в соответствии с нормами международного права и ведущей роли ООН как гаранта международной безопасности и развития, что приведет к усилению доверия и укреплению сотрудничества между странами мира [3, с. 165–168]. Приверженность принципам «гармоничного мира» и «всеобщего развития» прослеживается и в дискурсе действующего руководства КНР, составляя основу концепции «сообщества единой судьбы» предложенной Си Цзиньпином [4, с. 166].

С точки зрения имиджевого позиционирования на международной арене, в целом, и в Центральной Азии в частности, основой конструируемого Пекином образа выступает месседж о том, что Китай стремится стать не военной державой, преследующей цель глобальной гегемонии, а крупным экономическим игроком на мировой арене, который помогает развиваться другим за счет собственного быстрого экономического развития на взаимовыгодной основе.

Ввиду этого установление отношений сотрудничества с центральноазиатскими

странами осуществлялось Пекином в рамках стратегии «периферийной политики», разработанной в конце 1980-х гг. Ее суть состояла в том, чтобы установить добрососедские и стабильные отношения с граничащими странами как необходимое условие для своей модернизации и растущей экономической мощи без возможных алармистских настроений по этому поводу. Первыми мерами в рамках данной политики стала трансляция образа «хорошего соседа», признающего равноправность новых независимых республик и не стремящегося к захвату территорий посредством:

- а) признания независимости центральноазиатских государств;
- б) принятия их дипломатических миссий;
- в) инициирования процесса урегулирования территориальных претензий, существовавших с XIX в. и нерешенных в советский период ввиду жесткой позиции советского руководства [5, р. 217–218].

В последующем главным механизмом оказания влияния на страны региона стала экономика. В начале 2000 г. Пекин запустил программу экономической открытости «Великая стратегия развития Запада», частично нацеленную на стимулирование торговли между Китаем и странами региона через инвестирование в транспортную инфраструктуру СУАР и предоставление торговых преференций. Как следствие, к 2007 г. объем товарооборота между республиками и Китаем достиг 18 млрд долл., тогда как в 1991 г. этот показатель был на уровне 350 млн долл. [6, р. 39].

Во второй декаде 2000-х гг. Пекин стал усиливать свое экономическое присутствие в регионе через вливание значительных кредитных и грантовых средств как на двусторонней основе, так и через механизмы ШОС. Как следствие, если до 2008 г. доля китайских кредитов в структуре государственных долгов центральноазиатских республик была невелика, то за последнее десятилетие Пекин превратился ведущего регионального кредитора.

Объемы кредитования стали увеличиваться в геометрической прогрессии в контексте

реализации Пекином ОПОП. Официальный запуск в 2013 г. «Экономического пояса Шелкового пути» как части этой инициативы, охватывающей сухопутные коридоры взаимодействия Китая и стран-участниц, сопровождался выделением Пекином 48 млрд долл. в качестве инвестиций и кредитов странам региона с фокусом на проекты в сфере энергетики, торговли и инфраструктуры [7].

При этом необходимо отметить, что у Китая отсутствует четкое определение того, что можно рассматривать в качестве политики оказания помощи иностранным государствам. Зачастую оказываемая им помощь по своим характеристикам занимает промежуточное место между кредитами на развитие и иностранными инвестициями, когда она интерпретируется как средства кооперации, предлагающие взаимовыгодную ситуацию – программы экономического развития Китая как источник иностранной помощи. По мнению ряда экспертов, данная инициатива нацелена на решение именно внутренних диспропорций в развитии КНР:

а) импульс к развитию центральных и западных провинций за счет интеграции с соседними странами;

б) стимул внутреннего потребления на фоне проблем перепроизводства и избытка промышленных мощностей;

в) совершенствование технологической базы производства через экспорт своих технико-энергетических стандартов в сфере энергетики и телекоммуникаций;

г) гарантии экономического роста на долгосрочную перспективу посредством выгодного использования накопленных золотовалютных резервов;

д) редуцирование угроз экстремизма и терроризма в СУАР [8, с. 50–51].

Отсюда вытекают три особенности кредитования и инвестирования Китая, противоречащие имиджу «экономического гиганта» и его политики «мирного подъема».

Первая особенность. Выделяемые Пекином кредиты сопровождаются различными

типами жестких обязательств по их возвещению. Хао Тянь условно называет два типа таких обязательств [9, р. 26]:

➤ «дипломатические» обязательства – выражение поддержки Пекину по ряду значимых для него вопросов с точки зрения позиций на мировой арене – территориальная целостность Китая (вопрос Тайваня и Тибета);

➤ «встроенные» обязательства – китайская помощь оказывается пакетами, где взаимосвязаны кредиты, гранты, торговые и инвестиционные соглашения, а условиями выступают:

а) обязательство закупать не менее половины необходимого объема материалов, оборудования, технологий и услуг в Китае, что позволяет расширять экспортный рынок китайских товаров;

б) участие китайских компаний в имплементации проектов, детерминируя выход китайских госкомпаний на внешние рынки;

в) предоставление доступа к месторождениям полезных ископаемых стран-реципиентов кредитов (так называемая «ангольская» модель кредитования), которое используется, главным образом, в регионах с высоким риском невозврата кредитов.

В качестве примеров выдвижения и исполнения данных обязательств странами Центральной Азии можно привести следующие. Так, в 2011 г. Н. Назарбаев после заключения соглашений с Пекином о сотрудничестве в сфере торговли ураном и предоставлении китайской стороной кредитных средств заявил о том, что Казахстан выражает свою поддержку политике территориальной целостности Китая, что можно квалифицировать как выполнение «дипломатического» обязательства.

Однако более репрезентативны факты выполнения «встроенных» обязательств:

а) в 2009 г. Казахстан в обмен на кредит в объеме 10 млрд долл., 5 млрд долл. из которых было выделено Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, предоставил доступ к своему нефтегазовому сектору;

б) в 2016–2018 гг. Таджикистан вынужден был передать китайской компании ТВЕА права на разработку золоторудных месторождений «Восточный Дуоба» и «Верхний Кумарг» для погашения кредита, выделенного на строительство Душанбинской ТЭЦ-2;

в) в 2009 г. Туркменистан предоставил право китайским компаниям разрабатывать газовое месторождение Южный Иолотан за кредит в объеме 4 млрд долл. с выплатой в течение 30 лет, что обеспечило поставки газа в Китай в объеме 40 куб. метров в год;

г) вопрос строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан остается открытым в силу того, что, с одной стороны, китайской стороной предлагается неприемлемая ширина колеи, с другой стороны, Пекин продвигает маршрут данной дороги через малозаселенные, но богатые природными ресурсами территории [10, р. 122].

Вторая особенность. Китайские инвестиции нацелены не на развитие местного производства и экспортного потенциала, а на создание условий для экспорта китайских товаров и импорта сырья из стран Центральной Азии. В частности, на это может указывать тот факт, что в Узбекистане Китай отказывается от инвестирования в предприятия по переработке хлопка или производству синтетического шелка, несмотря на то, что они являются важными секторами национальной экономики [6, р. 139]. Между тем, Туркменистан в качестве обязательств по выплате долга поставляет 35 куб. метров газа в Китай в год по низкой стоимости, лишившись при этом возможности поставок в Иран и Россию [11, с. 144].

Третья особенность. Китайские инвестиции сопровождаются коррупционными скандалами и зачастую характеризуются непрозрачностью соглашений, а суммы выделяемых кредитов не разглашаются. В качестве примера можно привести кейс модернизации ТЭЦ Бишкека китайской компанией ТВЕА, когда по итогам судебно-уголовных разбирательств в результате произошедшей аварии было установлено, что, во-первых, лоббированием

интересов компании занимался ряд правительственных чиновников, во-вторых, товары на модернизацию закупали по завышенным ценам. В итоге, внешний долг республики перед КНР увеличился на 386 млн долл., модернизация проведена китайской компанией, и оборудование закуплено в Китае.

Таким образом, как отмечает С. Джабаров, эксплицитно взаимно выгодные соглашения между странами Центральной Азии и КНР, имплицитно вскрывают «хищническое кредитование»: предоставляя кредиты центральноазиатским республикам Пекин преследует, прежде всего, свои политические и экономические интересы, что проявляется в том, что центральноазиатские республики должны не только выплачивать сумму основного долга и проценты по ней, но и гарантировать экономические/политические уступки в пользу Китая или его компаний [12, р. 34].

Принимая во внимание вышеперечисленные особенности стран региона, необходимо отметить, что в контексте результативности имиджевого позиционирования Китая в Центральной Азии существует следующий парадокс, обозначенный Д. Керром как «политическая лояльность и общественное неприятие» [9, р. 28]. Иными словами, в представлениях политических элит стран региона о Китае доминируют положительные оценки в силу того, что, с одной стороны, китайские кредиты позволяют создавать атмосферу экономического развития и отчасти решать определенные экономические проблемы, чтобы поддерживать легитимность правящих режимов без угрозы вмешательства во внутривнутриполитические дела со стороны КНР; с другой стороны, финансовые вливания Пекина широко используются для удовлетворения личных интересов политических элит, принимая во внимание закрытость информации об объемах и условиях их выделения [13]. Как следствие, неформальное, прямое взаимодействие с лицами, принимающими решения, обуславливает по большей части неинституционализированное присутствие Китая в регионе, позволяющее ему эффективно

продвигать свои интересы, используя недостатки неопатримониальных политических систем центральноазиатских республик, среди которых:

- система семейно-бюрократического капитализма, ключевой характеристикой которой выступает недифференцированный контроль над властью-собственностью, когда государство управляется как частная собственность [14, р. 40–41];
- «порядок ограниченного доступа» к системе семейно-кланового капитализма – система политико-экономической договоренности между различными политическими группировками на основе патронажно-клиенталистских отношений по ограничению возможности создания конкурирующих политических и экономических структур [15, р. 3].

В свою очередь, именно отсутствие достоверной информации, резонансные коррупционные дела на фоне эксплицитного экспорта трудовых ресурсов из Китая как части обязательств по полученным кредитам и минимальных бенефиций для граждан центральноазиатских республик в плане трудоустройства обуславливают алармистские представления о КНР среди последних, подтверждая советские стереотипы о «китайской угрозе». Среди данных фобий в отношении Китая М. Ларуэль выделяет две категории:

1) не имеющие фактологического доказательного базиса – массовая демографическая экспансия китайских граждан, которые не только «оккупируют» рынок труда, но и будут продвигать свою культуру и традиции;

2) имеющие под собой объективные данные – вопрос землепользования, торговая конкуренция, непрозрачность заключаемых соглашений с китайскими компаниями, а также плохие условия работы для местного населения в китайских компаниях (в частности, более низкая оплата труда, в сравнении с китайскими рабочими) [16, р. XI–XII]. При этом данный негативный общественный дискурс плохо поддается трансформации под

влиянием интенсификации информационного и символического воздействия КНР в рамках конструирования своего положительного образа, главными инструментами которого стали Институты Конфуция, а также выгодные образовательные гранты. Так, ОПОП вызывает фобии, во-первых, своими масштабами, во-вторых, своей размытостью, что резонно вызывает вопросы относительно угроз колониальной политики Китая [17].

В социально-политической плоскости алармистские настроения в отношении Китая проявляются в форме организуемых политическими/националистическими группами антикитайских выступлений, которые можно разделить на два типа в соответствии с классификацией М. Ларуэль типов китайских фобий:

- протесты, на основе манипулирования субъективными фобиями населения: протесты в 2017 г. в Нур-Султане против заключения браков между гражданами Казахстана и КНР;

а) импульс к развитию центральных и западных провинций за счет интеграции с соседними странами;

б) антикитайские выступления в Бишкеке в декабре 2018 г. – январе 2019 г. против китайской иммиграции (требование запрета интернациональных браков, выдачи меньшего количества виз китайским гражданам);

- протесты, на основе манипулирования объективными фобиями населения:

а) массовые протесты в 2016 г. в нескольких регионах Казахстана против внесения изменений в земельный кодекс республики, разрешающих продажу земли иностранцам;

б) протесты в 2019 г. в ряде городов Казахстана против создания совместных предприятий с Китаем в нефтегазовом секторе в преддверии визита президента республики в КНР;

в) протесты в Нарынской области Кыргызстана против строительства торгово-логистического центра.

Таким образом, имидж Китая как «экономического гиганта», готового к оказанию

помощи в целях «всеобщего развития», в центральноазиатских республиках не является устоявшимся в силу существующего разрыва между реальными действиями Пекина и информационно конструируемого образа. Декларируемое соразвитие в рамках концепции «мирного подъема» противоречит сущности предоставляемой финансовой помощи странам региона, которая нацелена на оказание влияния на политические системы центральноазиатских республик через имплицитные коррупционные схемы, ведущие к росту внешнего государственного долга, и оказывает минимальное воздействие на развитие сектора обрабатывающей промышленности и производства товаров с высокой добавочной стоимостью. Соответственно, представляется целесообразным говорить о том, что финансовая помощь Китая является амбивалентной: будучи эксплицитно нацеленной на помощь развитию стран региона, имплицитно она выступает инструментом продвижения исключительно интересов КНР. В свою очередь, это обозначает и двойственность представлений о КНР в республиках Центральной Азии, где для населения характерно восприятие Китая как организатора «долговых ловушек» и «демографического оккупанта», а для политического истеблишмента – «делового партнера», способствующего легитимации политического режима.

Литература

1. *Clarke M.* China and the Shanghai Cooperation Organization: The Dynamics of “New Regionalism”, “Vassalization”, and Geopolitics in Central Asia // *The New Central Asia. The Regional Impact of International Actors* / ed. E. Kavalski. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2010.
2. Zheng Bijian. China’s “Peaceful Rise” to Great-Power Status // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84. No 5.
3. Build Towards a Harmonious World of Lasting Peace and Common Prosperity. Statement by H.E. Hu Jintao President of the People’s Republic of China at the United Nations Summit. New York, September 15, 2005. URL: <https://www.un.org/webcast/summit2005/statements15/china050915eng.pdf> (дата обращения: 29.01.2021).
4. *Назарова А.К.* Новая внешнеполитическая доктрина Китайской Народной Республики / А.К. Назарова // *Вестник КРСУ*. 2018. Т. 18. № 3.
5. *Kellner T.* China’s Rise in Central Asia: The Dragon Enters the Heart of Eurasia // *Interpreting China as a Regional and Global Power Nationalism and Historical Consciousness in World Politics* / ed. B. Dissein. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
6. *Laruelle M., Peyrouse S.* China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. 201 p.
7. *Yakobashvili T.* A Chinese Marshall Plan for Central Asia? // *Central Asia Caucasus Institute Analyst*. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12838-a-chinese-marshall-plan-for-central-asia> (дата обращения: 28.01.2021).
8. *Фролова И.Ю.* Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути»: развитие, проблемы, перспективы / И.Ю. Фролова // *Проблемы национальной стратегии*. 2016. № 5 (38).
9. *Hao Tian.* China’s Conditional Aid and Its Impact in Central Asia // *China’s Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia* / ed. M. Laruelle. Central Asia Program, the George Washington University, 2018.
10. *Vakulchuk R., Overland I.* China’s Belt and Road Initiative through the Lens of Central Asia // *Regional Connection under the Belt and Road Initiative. The prospects for Economic and Financial Cooperation* / eds. Fanny M. Cheung, Yingyi Hong. Abingdon, New York: Routledge, 2019. P. 115–133.
11. *Акматалиева А.М.* Инициатива «Один пояс – один путь» в Центральной Азии / А.М. Акматалиева // *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 4.
12. *Jaborov S.* Chinese Loans in Central Asia: Development Assistance or “Predatory Lending”? // *China’s Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia* / ed. M. Laruelle. Central Asia Program, the George Washington University, 2018.
13. *Cooley A.* The Emerging Political Economy of OBOR: The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond // *A Report of the CSIS Simon Chair in Political Economy*. Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies, 2016. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/161021_Cooley_OBOR_Web.pdf (дата обращения: 24.01.2021).

14. *Engvall J.* Why are Public Offices Sold in Kyrgyzstan // Kyrgyzstan beyond “Democracy Island” and “Failing State” Social and Political Changes in a Post-Soviet Society / eds. M. Laruelle and J. Engvall. London: Lexington Books, 2015.
15. *North D., Wallis J., Webb S., Weingast B.* Limited Access Orders. An Introduction to the Conceptual Framework // In the Shadow of Violence. Politics, Economics and the Problems of Development. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
16. *Laruelle M.* Introduction. China’s Belt and Road Initiative. Quo Vadis? // China’s Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia / ed. M. Laruelle. Central Asia Program, the George Washington University, 2018.
17. *Умаров Т.* На пути к Pax Sinica: что несет Центральной Азии экспансия Китая / Московский центр Карнеги // Комментарий. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81265> (дата обращения: 24.01.2021).